

И

мя затерянного в лабиринтах российской истории революционера, писателя и дипломата Федора Федоровича Раскольниковца выплыло из глубин многолетнего забвения, благодаря публикации статьи о его удивительной судьбе, написанной доктором исторических наук В.Д. Поликарповым и напечатанной в июньском номере общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек» за 1987 год. Вместе с рассказом о бурных событиях жизни этого энергичного политика и литератора в печать были вынесены в эти дни почти никому до этого не известные две его политические работы — «Как меня сделали „врагом народа“» и «Открытое письмо Сталину», показывающие, что в 1930-е годы в Советском Союзе были политические силы, способные выступать против воцаряющегося в стране режима сталинского культа и сопровождающих его жестоких репрессий. Беглая информация об этих письмах впервые была озвучена в декабре 1963 года после решения пленума Верховного суда СССР, отменившего постановление 1939 года по «делу» Раскольниковца «за отсутствием в его действиях состава преступления» и восстановившего его в рядах Коммунистической партии, которой он

близкоговорочно отдал 30 лет своей жизни. Полностью же советским читателям основные положения «Открытого письма Сталину» впервые стали известны только из упомянутой выше статьи Поликарпова «Федор Раскольников», и только потом уже появилось несколько ее публикаций в периодической печати.

«Сталин, — писал ему Раскольников из Франции, — вы объявили меня «вне закона». Этим актом вы уравнили меня в правах — точнее, в бесправии — со всеми советскими гражданами, которые под вашим владычеством живут вне закона.

Со своей стороны отвечаю полной взаимностью: возвращаю вам входной билет в построенное вами «царство социализма» и порываю с вашим режимом.

Ваш «социализм», при торжестве которого его строителям нашлось место лишь за тюремной решеткой, так же далек от истинного социализма, как произвол вашей личной диктатуры не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата <...>.

Что сделали вы с конституцией, Сталин?

Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесшумно уничтожали «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяином земли советской является не Верховный Совет, а вы. Вы сделали все, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм. Вместо того, чтобы пойти по линии намеченного конституцией поворота, вы подавляете растущее недовольство насильем и террором. Постепенно заменив диктатуру пролетариата режимом вашей личной диктатуры, вы открыли новый этап, который в историю нашей революции войдет под именем «эпохи террора».

Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста, никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и Маршал Советского Союза — все в равной мере подвержены ударам вашего бича, все кружатся в дьявольской кровавой карусели <...>».

Письмо это породило среди читателей самые что ни есть противоречивые суждения, столкнув между собой лбами сталинистов с антисталинистами, но правда в этом письме, конечно же, имела место, потому что все то, о чем Федор писал в нем, он знал на собственной шкуре. Такой яркой судьбой, как у Федора Раскольникова, не могли бы похвастать ни один из его революционных соратников — ни Молотов, ни Калинин, ни Каганович, ни Орджоникидзе, ни кто-либо другой из его окружения. Даже сам Сталин выглядит на фоне деятельности Раскольникова весьма бледновато. А ведь помимо революционной, боевой и политической работы, Федор Федорович в течение нескольких лет был секретарем знаменитой газеты «Правда», заместителем председателя Кронштадтского совета военных депутатов, замнаркомом по морским делам, командующим Каспийской и Балтийской флотилиями, членом Реввоенсовета Республики, ответственным редактором ряда литературно-политических журналов и издательств, а также активным журналистом и писателем, выпустившим несколько публицистических книг и пьес, в последние годы работавшим полпредом Советской России в Афганистане, дипломатом в Эстонии, Дании и Болгарии. Он был правой рукой Ленина и Троцкого, отлично знал Сталина, был знаком с Буниным и Горьким, Пильняком и Есени-

ным, Молотовым и Коллонтай, а также с множеством других русских и иностранных писателей, политиков, дипломатов, военных, актеров, музыкантов, художников, поэтов...

Федор Федорович Раскольников (настоящая фамилия — Ильин) родился 28 января 1892 года (по новому стилю — 9 февраля) в Санкт-Петербурге, в довольно сложной семье. Мать его, Антонина Васильевна Ильина, была дочерью генерал-майора, а отец — Федор Александрович Петров — протодиаконом Сергиевского всей артиллерии собора. Будучи церковным служителем, протодиаконом, отец Раскольникова уже состоял до этого в браке и поэтому не имел права венчаться вторично. Поэтому Федор и его младший брат Александр официально считались *внебрачными детьми*, живя с клеймом «незаконнорожденных», из-за чего они начали свою жизнь с острым чувством оби-

Ф.Ф. Раскольников (слева) и С.М. Киров

ды. Они спокойно могли бы вписаться в столичную элиту: отец был популярным в Петербурге священнослужителем, мать — генеральской дочкой. Но боясь увольнения, протодьякон Федор Петров навещал семью только тайком, его невенчанной супруге Антонине пришлось целыми днями работать в лавке, а сыновей отдавать в городской приют.

Вот «Автобиография» Раскольникова, собственноручно написанная им в 1913 году:

«Я, Федор Федорович Ильин, родился в 1892 году, 28 января, в г. С.-Петербурге, на Большой Охте, на Мироновой улице. Я — внебрачный сын протодиакона Сергиевского всей артиллерии собора и дочери генерал-майора, продавицы винной лавки, Антонины Васильевны Ильиной. Узами церковного брака мои родители не были соединены потому, что отец, как вдовый священнослужитель, не имел права венчаться вторично. Оба были люди весьма религиозные и все 19 лет совместной жизни прожили крайне дружно. Отец родился в 1846 году в селе Кейкино, Ямбургского уезда, Петербургской губернии, а мать является уроженкой С.-Петербурга, дата ее рождения — 3 июня 1865 года. Отец скончался 12 апреля 1907 года; он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой сонную артерию. Причиной смерти послужила боязнь обыска и опасение судебного привлечения и широкой публичной огласки компрометирующего свойства вследствие подачи его прислугой жалобы в СПБ окружной суд об ее изнасиловании отцом. По признанию отца и лиц, его окружавших, жалоба была неосновательна. Защитником был приглашен присяжный поверенный Николай Платонович Карабчевский и его помощник — помощник присяжного поверенного Атабеков. По мнению адвокатов, исход дела был безнадежен для предъявительницы обвинения вследствие полного отсутствия улик и очевидцев-свидетелей. Но отец не дождался судебного разбирательства и на 62-м году порвал счеты с жизнью. По свидетельству всех знавших покойного, он обладал мягким характером и выдающимся голосом. Мать жива и в настоящее время; она служит продави-

цей казенной винной лавки № 148, помещающейся на Выборгской стороне, в Финском переулке, в доме № 3. Оклад ее содержания — 750 рублей в год; кроме того, она пользуется казенной квартирой в 3 комнаты, имея готовое освещение и отопление.

Формально я крещен по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь безусловным и решительным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда не бываю в церкви. Что касается истории рода, то хотя и интересуюсь генеалогией своего родословного древа, но деятельностью предков никогда не кичусь, помня золотые слова Сумарокова (или Хераскова): «Кто родом хвалится — тот хвалится чужим». Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и ее результаты, а не доблестные деяния родоначальников, служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости. Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет священнослужительствовали в Петропавловской церкви села Кейкино Ямбургского уезда Петербургской губернии. Помимо отца, мой дед Александр Федорович и мой дядя Николай Александрович Петровы также покончили жизнь самоубийством, как передают, из-за женщин. Предшественники отца, как рассказывают, происходят из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Острожных и лишь в сравнительно недавнее время были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящен Кейкинский храм. Мой род с материнской стороны, фамилию которого я ношу, более знаменит в истории России. По женской линии наш род ведет свое происхождение от князя Дмитрия Андреевича Галичского. В XV и XVI столетиях мои предки занимали придворные должности и служили стольниками, чашиками, постельничими и т.п. Мой прапрадед, Дмитрий Сергеевич Ильин, отличился в царствование Екатерины II, во время Чесменского сражения 1770 года, тем, что геройски потопил несколько турецких судов. В честь его был назван минный крейсер береговой обороны Балтийского флота «Лейтенант Ильин», который в настоящее время относится к разряду судов устаревшего типа и передан в распоряжение Морского училища дальнего плавания императора Петра I. Мой прадед, Михаил Васильевич Ильин, был подполковник морской артиллерии, оставивший после себя несколько научных специальных исследований, о которых упоминается в критико-биографическом словаре русских писателей и ученых, в энциклопедическом словаре и во многих других изданиях. Скончался М.В. Ильин в 1849 году. Мой дед, отец матери, Василий Михайлович Ильин, артиллерийский генерал-майор, был преподавателем Михайловского артиллерийского училища и умер в 1885 году.

Кроме меня, у моей матери есть еще один сын, Александр, родившийся 16 ноября 1894 года. Привлеченный по делу организации учащихся в средних учебных заведениях (т.н. «процесс витмеровцев»), он в 1912 году был исключен из VIII класса Введенской гимназии без права поступления. В настоящее время он является стипендиатом московского миллионера Николая Александровича Шахова, живет за границей и состоит студентом Женевского университета...»

Когда Федор-младший заканчивал школу, его отец, обвиненный в изнасиловании служанки, наложил на себя руки. (Вспомним отмеченных в его автобиографии деда и дядю будущего героя революции, которые в свое время тоже покончили с собой из-за женщин!) От «свинцовых мерзостей жизни» подросток прятался в книги, отождествляя себя с их героями — жертвами несправедливости, мстящими потом за обиды своей судьбе и обидчикам.

В 1909 году Федор поступил на экономическое отделение Санкт-Петербургского Политехнического института, а уже в декабре 1910 года он становится членом партии РСДРП, ссылаясь на совместную работу с В.М. Молотовым в «большевистской фракции Политехнического института», где он сразу же включился в революционное движение. Вскоре он начал и свою литературную работу в легальной газете большевиков «Звезда», а затем и в газете «Правда». Свои статьи и заметки он подписывал псевдонимом «Раскольников», который и стал его фамилией после состоявшейся революции.

За свои острые статьи Федор был арестован и приговорен к трем годам ссылки, но мать, подняв свои «генеральские» связи, сумела оставить его в столице на лечение. А вскоре его вообще амнистировали в связи с празднованием 300-летия дома Романовых.

После окончания института Федор не стал работать по инженерной специальности, а продолжил свою журналистскую деятельность в газете «Правда» и журнале «Просвещение», где раньше он уже печатал свои большие и серьезные статьи.

Брат Федора — Александр, тоже большевик, за свою политическую деятельность был исключен из гимназии и поэтому уехал доучиваться в Швейцарию, за что и получил псевдоним Ильин-Женевский.

Согласно партийной линии от Первой мировой войны молодой Федор уклонился, поступив в школу гардемарин. На учебном судне он отправился в Японию и провел в плаваниях полтора года. Февральские события застали недоучившегося мичмана врасплох, как и саму царскую власть, до последнего дня уверенную, что народ ей предан. Для Федора, скучавшего в холодных гардемаринских классах, революция стала самым настоящим праздником.

После февральских событий он стал заместителем Председателя Кронштадтского совета, а после июльского кризиса был арестован, посажен в «Кресты» и освобожден оттуда только 13 октября 1917 года.

Мало кто знает, что в момент октябрьского переворота в октябре 1917 года, когда судьба восстания и большевиков висела на волоске, Раскольников самовольно покинул Смольный и скрылся в неизвестном направлении. Впоследствии свое неучастие в этом историческом событии он оправдывал внезапной «инфлюэнцей». Сразу же после Октябрьской революции Раскольников оказывается снова на коне и вместе с матросом Железняковым разгоняет Учредительное собрание. Он же руководил расстрелом рабочей демонстрации в поддержку Учредительного собрания; балтийские матросы неоднократно открывали пулеметный огонь по его приказу. По разным данным, было до 2500 убитых и раненых. «Там действовал товарищ Раскольников, которого прекрасно знают московские и питерские рабочие по его агитации, по его партийной работе», — говорил о нем Владимир Ленин.

В дни Октябрьской революции Федор принимал участие в подавлении похода Краснова-Керенского на Петроград, участвовал в боях в Москве. В январе-марте 1918 года он — активный участник попытки красных захватить власть в Финляндии: вместе с П.Е. Дыбенко он участвовал в организации красного террора в Хельсинки. Именно он придумал езду на санях по телам приговоренных — таким было его с Дыбенко любимое «развлечение».

Весной 1918 года Раскольников был назначен комиссаром Морского генерального штаба и заместителем наркомвоенмора Троцкого по морским делам. Флотских дел он практически не знал, и вся его работа на этой должности свелась к поиску «изменников» среди морских офицеров. Расстрел командующего Балтийским флотом адмирала Щастного — тоже его «заслуга» совместно с Троцким. Аналогичная участь постигла и многих других морских офицеров.

На этой же должности он выполнял поручение Совнаркома по затоплению ко-

раблей Черноморского флота в июне 1918 года, предотвратив их интернирование немцами. Операция была необычайно опасной для его жизни. Он был послан Лениным с чрезвычайным мандатом для выполнения задачи, против которой выступало большинство моряков и офицеров флота, которые предлагали другие варианты решения проблемы — например, перебазирование флота в нейтральные порты. Раскольников любым средствам переубеждения предпочел насилие: несогласных с затоплением флота объявлял «врагами революции» со всеми вытекающими последствиями. Таким способом он сумел переломить настроение моряков, и русские корабли легли на дно Цемесской бухты.

С июля 1918 года Раскольников — член Реввоенсовета Восточного фронта, командовал Волжской флотилией. С подачи Льва Троцкого он решает обрушить красный террор на весь военно-морской флот и 20 августа 1918 года телеграфирует из Нижнего Новгорода в Москву еще одному известному троцкисту — Антонову-Овсеенко: «Всех военных моряков, отказывающихся идти на Чехословацкий фронт, следует незамедлительно увольнять со службы и отправлять в Свияжск в распоряжение товарища Троцкого для предания суду Революционного трибунала».

Даже на фоне всех ужасов Гражданской войны кровавые расправы Троцкого над красноармейцами в 1918 году в Свияжске стоят на особом месте. Ни до, ни после этого в Красной армии не было таких жутких массовых казней. А потому приказ Раскольникова присылать провинившихся военных моряков к Троцкому в Свияжск на расправу был сбалансирован подписанием им смертного приговора.

10 сентября 1918 года Раскольников участвовал во взятии Казани и последующем походе Волжской флотилии по Каме для освобождения заключенных на «барже смерти». В эти дни он является активным участником красного террора в Казани и кровавого подавления Ижевско-Воткинского восстания рабочих против голода и репрессий. Никакого отношения к органам ВЧК или к ревтрибуналам Раскольников не имел, что не мешало ему отдавать самочинные приказы о расстрелах, в том числе больших групп людей. За это Троцкий сделал его членом Реввоенсовета Республики.

Апофеоз службы Раскольникова на Волжской флотилии получился скандальным. После падения Казани флотилия, возглавляемая Раскольниковым, не оказав никакого сопротивления белым, самовольно покинула боевые позиции и ушла в тыл. Что касается самого Раскольникова, то он, говорят, бросив на произвол свою флотилию, вообще постыдно сбежал, да так, что его долго не мог найти ни главком Вацетис, ни штаб 5-й армии в Свияжске, ни собственная жена Лариса Рейснер, отправившаяся на поиски мужа в Казань под видом жены офицера. За трусость и бегство с поля боя Раскольникову грозил расстрел. Однако его спас Троцкий, вняв просьбам своей любовницы Ларисы Рейснер, которую он к этому времени уже пристроил замуж за Раскольникова.

26 декабря того же 1918 года Раскольников был взят в плен британскими моряками во время похода советских миноносцев «Автроил» и «Спартак» на Таллин. Этот поход закончился пленением обоих кораблей со всеми их экипажами. После этого Федор содержался в Брикстонской тюрьме Лондона, а 27 мая 1919 года в поселке Белоострове под Петроградом он был обменян на группу арестованных граждан Британии.

После освобождения из британского плена 10 июня 1919 года Раскольников был назначен командующим Астрахано-Каспийской военной флотилией, а уже 31 июля 1919 года — командующим Волжско-Каспийской военной флотилией, после чего участвовал в обороне Царицына и высадке десанта в иранском порту Энзели с целью возвращения оттуда угнанных белогвардейцами кораблей Каспийского флота. За эту операцию он был награжден орденом Красного Знамени.

На посту командующего флотилией Раскольников ничем особым себя не проявил. Единственное то, что под его началом было проведено похищение у белых баржи с пленными красноармейцами и арестованными уголовниками под Сарapulом. Этот случай, не имеющий никакого отношения к боевой деятельности флотилии, был разрекламирован на всю страну как необычайная по смелости и дерзости операция. Чтобы увеличить эффект пиара, Раскольников сам писал статьи о себе, без всякого стеснения прославляя в них собственный героизм. На самом деле ничего подобного не было. Баржу с арестованными охраняли всего несколько старых солдат, которые без всякого сопротивления сами подали буксирные концы на пароход Раскольникова. Надо отдать должное, что, будучи неплохим журналистом, Раскольников прекрасно понимал значение газетного слова и умело этим пользовался. Пленение баржи было возведено им и Троцким в ранг блестящей операции. И награда — второй орден Красного Знамени — не замедлила себя ждать.

С июня 1920 года по март 1921 года Федор Федорович являлся командующим Балтийским флотом, о чем остались двойственные воспоминания. Во время его деятельности на флоте он и его жена, писательница Лариса Рейснер, прототип женщины-комиссара в «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского, отнюдь не были такими аскетами, какими представлены большевики в благонамеренной пьесе. Как писал в своем рапорте в Петроград председатель Кронштадтского отдела трибунала Балтфлота Ассар, они жили в роскошном особняке, держали прислугу и ни в чем себе не отказывали, матросов же Федор Федорович считал людьми второго сорта. Даже на камбузе установил своеобразную сегрегацию. Когда Раскольников со штабом на яхтах прибывали в Кронштадт, для рядовых военморов варили суп с селедкой или воблой. Для штаба и начальствующего состава — полный обед из трех блюд, причем суп — с мясом. Для самого же Раскольникова и особо приближенных к нему лиц готовили настоящие деликатесы. Он сменил две трети командиров и комиссаров флота, назначив людей по принципу личной преданности, а не по профессиональным качествам. На линкоре «Петропавловск» комиссару флота Николаю Николаевичу Кузьмину моряки жаловались, что Раскольников и его окружение чаще инспектируют винные погреба, чем пороховые. Они требовали создать специальную комиссию для обследования квартир своих командиров и комиссаров, не без оснований подозревая, что там найдутся не только предметы роскоши, но и продовольственные запасы, не дошедшие до матросского котла.

При всем при том личные качества Федора Федоровича были высоко оценены Лениным и высшим руководством страны, и когда в 1921 году потребовалось ликвидировать контрреволюционный кронштадтский мятеж, то в помощь командарму Тухачевскому придали несколько «верных товарищей», в том числе и Раскольникова. Вместе с Дыбенко он участвовал в жестоком подавлении Кронштадтского восстания и несколько десятков смертных приговоров, вынесенных Дыбенко, исполнил лично. Очевидцы утверждают, что Раскольников в это время очень сильно пил и то и дело цитировал Достоевского. После этого Дыбенко написал рапорт о его отозвании с флота, и Троцкому пришлось к этому рапорту прислушаться, поскольку состояние Федора начало внушать опасения и ему самому.

Еще во время своей деятельности в Кронштадте Раскольников женился на знаменитой революционерке и поэтессе, «валькирии революции» — Ларисе Рейснер, бывшей ранее любовницей известного поэта Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году за контрреволюционную деятельность, а также любовницей Льва Давидовича Троцкого. В 1932 году Лариса стала героиней пьесы известного писателя-драматурга Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», которая уже на следующий год была поставлена в московском Камерном театре режиссером

А.И. Таировым и стала ярким явлением в советской драматургии 1930-х годов. А уже после войны поэт Борис Пастернак в память об ушедшей в 1926 году Ларисе Рейснер дал ее имя — Лара — героине своего знаменитого романа «Доктор Живаго». Многочисленные эпизоды героической жизни Федора Федоровича Раскольниковова легли в основу целого ряда советских кинофильмов и постановок — таких, как «Миссия в Кабуле», «Гибель эскадры», «Разлом» и та же самая «Оптимистическая трагедия», в которой была изображена Лариса Рейснер и отчасти он тоже.

Но в 1923 году, находясь вместе с Раскольниковым на дипломатической работе в Афганистане, Лариса вдруг узнала, что едва ли не главную роль в смерти ее любимого поэта Гумилева сыграл не кто-нибудь, а именно ее муж, написавший на него в 1921 году из-за своей ревности расстрельный донос в ЧК, и поэтому она решительно бросила Федора в Кабуле и уехала в Россию, где быстро оформила с ним развод и начала (по-видимому, в виде мести за этот его донос на Гумилева) жить с некрасивым, женатым, но остроумным Карлом Радеком, являвшимся тогда членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел РСФСР.

В 1924 году Раскольников отзывается в СССР из Афганистана и в течение последующих шести лет — до 1930 года — работает редактором журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь», а также главным редактором издательства «Московский рабочий». Возится с беспомощными рукописями рабочих, которые он сам много правил, вытягивая их рассказы, статьи и очерки. Дал путевку в жизнь группе комсомольских поэтов — Безыменскому, Жарову, Светлову и Михаилу Голодному. Печатал писателей из разных литературных группировок — «Перевала», «Кузницы», «Серапионовых братьев», печатал также «попутчиков», при этом тон в литературе задавали профессиональные писатели из интеллигенции, из-под пера которых выходили повести и поэмы, привлекавшие многих читателей. Без их произведений мало кто стал бы читать и эти сами журналы, заполненные красными агитками.

Какое-то время Раскольников руководил издательством «Московский рабочий», и здесь старался в первую очередь издавать писателей пролеткультовского толка — Либединского, Фадеева, Фурманова или близких пролеткульту по духу — таких маститых авторов, как Маяковский, Демьян Бедный, Серафимович.

Однако впоследствии ему пришлось пересмотреть свой взгляд на литературный процесс и признать, что теория пролеткультуа нуждается в серьезной корректировке.

В 1928–1930 годах он становится начальником «Главискусства», членом коллегии Наркомпроса и председателем «Главреперткома». Под его непосредственным руководством были запрещены к показу пьесы Михаила Булгакова и проводилась конъюнктурная правка произведений писателей.

В 1934 году он становится членом только что созданного в СССР Союза советских писателей, который провел в Москве свой I съезд.

Первое время по возвращении из Кабула в Москву Федор Федорович долго страдал из-за случившегося между ним и Ларисой разрыва, но потом понемногу успокоился и сошелся с сотрудницей литературно-художественного журнала «Прожектор» Наташей Пилацкой. Но жизнь у них почему-то не сложилась, и вскоре они разошлись, а в 1930 году Раскольников женился на молоденькой красивой студенточке с красивым именем Муза. Ее-то он и увез с собой сначала в Эстонию, а затем в Бельгию и Болгарию, куда его направили работать полномочным представителем СССР. Там они потом и жили до самого их бегства в Париж, скрываясь от требований власти срочно вернуться в Россию, где ему (да и ей за компанию) грозил арест и, вероятнее всего, расстрел.

Во время работы Раскольников в Софии болгарская полиция зарегистрировала в качестве посетителей советского посольства более 100 представителей болгарской творческой интеллигенции — они неизменно составляли большинство на всех советских приемах. В полицейском досье на советского полпреда подчеркивается, что Раскольников пользуется расположением творческой интеллигенции и журналистов как человек «по-настоящему интеллигентный и культурный».

Раскольникова осаждают просьбами дать свои произведения для издания на болгарском языке, разрешить постановку его пьесы «Робеспьер», болгарские литераторы присылают ему свои труды на рецензию.

Но все это — только беглые штрихи к его буйной и густо насыщенной различными событиями биографии, погружение в которую впечатляет не меньше, чем некоторые авантюрно-приключенческие фильмы или книги. Он ведь и сам был довольно неплохим писателем, написавшим несколько биографических книг о революции, гражданской войне, революционных моряках и других острых темах 1920-1930-х годов. Это такие книги, как «Кронштадт и Питер в 1917 году», «Рассказы мичмана Ильина», «Афганистан и английский ультиматум», «Кронштадтцы: Из воспоминаний (1917)», «Рассказы комфлота», «Пробудившийся Китай», пьесы «Робеспьер» и «Воскресенье», а также множество других публицистических, исторических и биографических работ.

Сохранилось много неопубликованных рукописей Раскольникова, которые посвящены литературным проблемам и таким писателям как Достоевский, Маяковский, Эренбург, Есенин и другие, а также международным темам, и в частности — разоблачению фашистских диктаторов: Муссолини, Гитлера и Пилсудского. Среди его рукописей имеется и такая любопытная работа, как «Очерки по истории цензуры XX века». В литературных архивах Федора Раскольникова хранятся также сделанные им вполне приличные переводы болгарских поэтов и до сих пор нигде еще не печатавшиеся его собственные стихи.

Принадлежность Раскольникова к числу профессиональных авторов сомнений не вызывает, достаточно раскрыть любую из его книг или статей, и станет отчетливо видно, что перед нами — настоящий писатель. «Три миноносца, как черные лебеди, плывут по широкой и многоводной Каме, — поэтически начинает он свой материал «Люди в рогозах», посвященный рейду большевистских военных кораблей к Казани. — Острые форштевни узких миноносцев с легким журчащим плеском рассекают гладкую темно-синюю воду. В стройной кильватерной колонне головным идет «Прыткий», за ним «Прочный» и, наконец, замыкает шествие «Ретивый». Темная, беззвездная осенняя ночь окутывает реку непроницаемой мглой. Изредка мелькают красноватые огни прибрежных сел и деревень.

Тихо подрагивает стальной корпус военного корабля. В душном и грязном котельном отделении кочегары, мускулистые, как цирковые атлеты, сняв рубахи, ловко подбрасывают в открытые топки тяжелые лопаты мелкого каменного угля. Машинисты осторожно, не спеша, выливают из длинных и узких горлышек масленок темное и густое смазочное масло на легко ныряющие быстрые поршни.

На высоком мостике головного миноносца рядом со мной, держась за рога штурвального колеса и зорко глядяваясь в ночную мглу, стоит рулевой. Старый лоцман с длинной седой бородой, достигающей пояса, в черном поношенном картузе и долгополом пальто похож на старообрядца-начетчика...»

А с какой любовью Федор Федорович Раскольников рисует в одной из своих книг образ Ленина! Страницы, посвященные его приезду в Петроград, его кипучей деятельности по руководству восстанием и описание встреч с Владимиром Ильичом в Центральном Комитете партии и редакции «Правды» — пожалуй, одни из заметных мест в его литературном наследии.

Но самые весомые, смелые, отчаянные и в то же время вызывающие неистовые

споры работы Раскольниковова — это два его публицистических письма, одно из которых называется «Как меня сделали „врагом народа“», а второе — «Открытое письмо Сталину». Каждое из этих писем дышит обжигающей правдой, свидетельствуя о том, что Раскольников уже давно видел психопатические особенности сталинского характера, власть которого держалась исключительно на растущем в государстве массовом страхе, внедряемом в людей постоянно угрожающими им огромными лагерными сроками да расстрелами. Правда, в этих невероятно смелых письмах почему-то нет ни малейшего намека на причастность самого Раскольниковова к тем невиданно жестоким репрессиям, которые щедро сеял в стране Иосиф Сталин. Ведь он тоже принимал в них не последнее участие...

В архивных недрах ВКП(б) находится досье на Федора Федоровича Раскольниковова с такой характеристикой: «Неглупый человек. Достаточно отшлифован для своей дипломатической карьеры и умеет держаться в любом обществе. Он прекрасно знает, что нарушение общепринятых правил этикета, которое он себе позволит, ему простят как дипломату новой формации, а известными кругами это будет даже приветствоваться. Энергичен. Для чисто партийной работы в Советской России он не был бы годен, так как он ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Он предан пролетариату только до тех пор, пока пролетариат связывает его с прошлым и позволяет вести ему буржуазный образ жизни».

Неоднократно вызывавшийся по требованиям власти в Москву, Федор Раскольников всячески затягивал свое возвращение домой, опасаясь царящих в стране репрессий, но 1 апреля 1938 года он все-таки выехал из Софии на Родину. Но ехал почему-то так медленно, что 6 апреля 1938 года «Правда» не выдержала и опубликовала сообщение об освобождении его от обязанностей полномочного представителя СССР в Болгарии. Узнав об этом, Раскольников в Москву не поехал, так как понимал, что его возвращение закончится арестом и, скорее всего, расстрелом. Поэтому через Берлин он с женой проследовал до Брюсселя, а спустя несколько недель обосновался в Париже. Писал оттуда Сталину письма, требуя для себя открытого суда. Впоследствии он был заочно исключен из партии, а 17 июля 1939 года Верховный суд СССР объявил Раскольниковова «вне закона» и лишил его советского гражданства и всех правительственных наград, что несло за собой высшую меру наказания. Проект этого приговора утвердили непосредственно Сталин и Молотов.

В качестве реакции на этот жест Москвы Раскольников публикует на страницах парижской эмигрантской газеты Милюкова «Последние новости» свое отчаянное письмо «Как меня сделали „врагом народа“», после чего работает над еще более дерзким посланием под названием «Открытое письмо Сталину», в котором он обличает антинародную деятельность Иосифа Виссарионовича и чинимые им массовые репрессии в отношении «большевистской гвардии».

Опасаясь мести вождя, Раскольников с Музой уехали из Парижа на Лазурный берег и там постоянно перемещались из одного прибрежного городка в другой, чтобы их нигде не засекли посланники Берии. Но они их, похоже, все-таки выследили. 12 сентября 1939 года в Ницце при невыясненных обстоятельствах Раскольников выпал из окна частного госпиталя и разбился насмерть. Согласно одной из распространенных в газетах версий он таким образом был убит вышедшими на его след агентами НКВД, одним из которых был муж поэтессы Марины Цветаевой — Сергей Эфрон, хорошо знавший Францию и владевший французским языком, а потому специально для этой цели направлявшийся из Москвы на Лазурный берег для поисков Раскольниковова. Впоследствии, по выполнению смертного приговора обидчику вождя, он тоже был уничтожен организацией Лаврентия Берии.